

Цю Минцюань с беспомощностью посмотрел на Хань Ли, стоящего рядом, и тихо сказал:

— Спасибо, но не дерись из-за меня, это не так важно.

Хань Ли выпрямил шею:

— Это не про тебя. Меня просто тошнит от одного человека!

Чжу Линь, сидящий впереди, оставался неподвижным, наблюдая за их переглядываниями, и вдруг слегка усмехнулся, в его глазах мелькнула странная смесь удовлетворения и презрения.

Хе... Куча кретинов, совсем без мозгов.

Микроавтобус резко затормозил, остановившись на улице Фэймалу.

Цю Минцюань первым выпрыгнул из машины, Хань Ли быстро догнал его и тихо сказал:

— Не бойся, они ничего не смогут сделать. Максимум — отменят пособие.

Цю Минцюань улыбнулся ему и с сожалением ответил:

— Я и так никогда не получал пособия, так что не переживай.

Вскоре группа учеников вошла во двор, и сразу же сосед улыбнулся Цю Минцюаню:

— Минцюань, что это ты привел столько одноклассников?

Цю Минцюань кивнул:

— Дядя Ван, это мои одноклассники, они зашли ко мне в гости.

Несколько соседей с любопытством посмотрели на них и замолчали.

Среди вышедших из машины учеников были старосты первого курса, только один старшеклассник был послан завучем присмотреть за ними. Увидев этот ветхий и беспорядочный двор, они были немного ошеломлены.

Средняя школа Цзигуан и так была одной из лучших школ с хорошими условиями. Хотя в то время обучение было недорогим, но школьная форма стоила дорого, а вступительные требования были высокими, так что большинство учеников были из очень обеспеченных семей, что придавало школе некое подобие элитарности.

Семь или восемь человек, пришедших сюда, почти все были из богатых семей, и никто из них никогда не сталкивался с представителями низших слоев общества. Увидев это firsthand, они были поражены.

Цю Минцюань просто открыл дверь своего дома и спокойно посмотрел на них:

— Не стойте, заходите, присаживайтесь.

Хань Ли, ошеломленный, вошел за ним, а остальные последовали, но те, кто вошли первыми, быстро остановились.

Сян Чэн, который был полон злости, крикнул:

— Почему вы не заходите?!

Кто-то смущенно вышел и пробормотал:

— Там... там негде стоять...

Сян Чэн оттолкнул одноклассника в сторону:

— Что это значит?

Он шагнул в маленькую комнату и замер.

Комната была крошечной, не более десяти квадратных метров. Большая кровать занимала половину пространства, а остальное было заполнено разрозненной мебелью. Когда пять или шесть человек вошли, в комнате уже стало тесно, люди жались друг к другу.

Парни смотрели на единственную кровать, неровный пол и ветхие занавески неопределенного цвета на окнах, погружаясь в шок.

Фэн Жуй, который вошел последним, тоже был ошеломлен, глядя на эту сцену, которую он никогда раньше не видел.

Цю Минцюань вздохнул про себя: мебель в этой комнате была заменена на новую в прошлом году, и постельное белье тоже было обновлено, но для этих избалованных подростков это все равно выглядело как крайняя бедность.

Чжу Линь вдруг крикнул:

— Подделка! Это точно не его дом!

Фэн Жуй, стоящий рядом, холодно посмотрел на него:

— Ты идиот?

Чжу Линь хотел настаивать, но, следуя его взгляду, увидел на стене аккуратно развешанные грамоты Цю Минцюаня и замолчал.

На стене висели грамоты Цю Минцюаня. Если бы это был не его дом, то чей?...

В этот момент у двери раздался голос бабушки Цю:

— Минцюань, это... что?

Бабушка Цю как раз вернулась с рынка и столкнулась с ними.

Цю Минцюань быстро вышел, взял у нее корзину с продуктами:

— Бабушка, мои одноклассники просто проходили мимо и заглянули, они сейчас уйдут.

Чжу Линь быстро выскочил из комнаты и крикнул:

— Нет, невозможно! На этой кровати и четверым-то не уснуть!

Он увидел бабушку Цю, и его глаза загорелись:

— Вы бабушка Цю Минцюаня? Вы, он, его папа и мама — четверым тут точно не поместитесь!

Бабушка Цю смотрела на него, смущенная, но Цю Минцюань повернулся и холодно посмотрел на Чжу Линя.

— Я живу с бабушкой и дедушкой, вот так.

Чжу Линь с недоверием указал на него:

— А где твои родители?!

— Прости, что разочаровал тебя, — Цю Минцюань спокойно посмотрел на него, а затем перевел взгляд на остальных. — У меня нет ни папы, ни мамы.

Фэн Жуй вздрогнул, глубоко посмотрел на него, в его взгляде было что-то странное.

Несколько учеников, понурив головы, вышли из маленькой комнаты и остановились снаружи, глядя на узкий коридор. Вдруг кто-то воскликнул:

— Ой, моя одежда!

Красивая спортивная куртка случайно зацепилась за угольную кучу под крышей, и теперь была черной и грязной.

Хань Ли сжал кулаки и громко крикнул:

— Кто тут говорил, что документы Цю Минцюаня подделаны?! Есть ли у вас совесть?!

Он обнял Цю Минцюаня, его крупное тело заслоняя его:

— Тот, кто распространял слухи, сам знает, кто он. Он среди вас, да? Если я узнаю, кто это, я лично его покалечу!

Его глаза пылали гневом, он посмотрел на Фэн Жуя, Сян Чэна и Чжу Линя, угроза была очевидной.

Никто не говорил, каждый был погружен в свои мысли.

Наконец, в тишине Сян Чэн подошел вперед. Он подошел к Цю Минцюаню, долго смотрел на его спокойное лицо и вдруг сказал:

— Извини...

— Это ты расклеил плакаты?! — Хань Ли тут же ощетинился.

Сян Чэн покраснел:

— Не я! Если бы это был я, я бы признался. Я подозревал, что он подделал, так что приношу извинения!

Фэн Жуй молчал, глубоко глядя на Цю Минцюаня, на его спокойные глаза.

Его глаза были глубокими, как осенняя вода, в них не было ни стыда, ни радости от оправдания, а лишь непонятное для Фэн Жуя спокойствие, словно тот видел слишком много

подобного, и в этом проглядывала печальная мудрость, не свойственная его возрасту.

Взгляд, который словно отделял его от остальных на большую дистанцию, вдруг заставил Фэн Жюя почувствовать острую боль в глубине души.

Он открыл рот, но его слова были заглушены голосами других.

— Извини. Мы не должны были сомневаться в тебе, — смущенно произнес один из учеников, пришедший ради развлечения.

— Извини... — раздались голоса, и все смотрели на Цю Минцюаня уже без сомнений, но с новым чувством.

Господи! Да как в таких условиях вообще жить? И как он смог получить такие высокие оценки в такой обстановке!

В их глазах смешались восхищение и жалость. Даже с легким оттенком пренебрежения. Хорошая успеваемость — это хорошо, но дом... он слишком беден.

Цю Минцюань, глядя на их взгляды, прекрасно понимал, о чем они думают. В прошлой жизни он видел такие взгляды слишком часто, и некоторые были еще более откровенно злыми.

Если он не устранил это пренебрежение и жалость, завтра вся школа будет говорить о его бедности, и ему будет трудно нормально выполнять обязанности старосты.

Он улыбнулся:

— Спасибо, что приехали издалека. Уже почти полдень, позвольте угостить вас обедом.

Цю Минцюань, не оглядываясь, вернулся к ожидавшему у подъезда микроавтобусу. Его улыбка была теплой и таяла в себе некий скрытый смысл:

— Садитесь, поедem со мной.

Когда все сели, он спокойно сказал водителю:

— В отель Пуцзян, спасибо.

Одноклассники были в шоке.

Отель Пуцзян? Это же один из самых престижных и старейших отелей в городе!

...

Уже несколько дней Вэй Цинъюань находился в состоянии крайнего напряжения и возбуждения.

С тех пор как они выбрали отель Пуцзян, исторически известное место, для открытия биржи, только на ремонт ушло больше месяца. Установка компьютерных систем, подключение данных от десятка предварительно одобренных брокерских компаний, наладка и запуск — всё это было абсолютно новым делом, без какого-либо опыта.